

Юрий Кузнецов
г. Москва

Звякнет лодка оборванной цепью,
Вспыхнет яблоко в тихом саду,
Вздрогнет сон мой, как старая цапля
В нелюдимо застывшем пруду.

Сколько можно молчать! Может, хватит?
Я хотел бы туда повернуть,
Где стоит твоё белое платье,
Как вода по высокую грудь.

Я хвачусь среди замершей ночи
Старой дружбы, сознания и сил,
И любви, раздувающей ноздри,
У которой бессмертья просил.

С ненавидящей, тяжкой любовью
Я гляжу, обернувшись назад.
Защищаешься слабой ладонью:
- Не целуй. Мои губы болят.

Что ж, прощай! Мы в толпе затерялись.
Снилось мне, только сны не сбылись.
Телефоны мои надорвались,
Почтальоны вчистую спились.

Я вчера пил весь день за здоровье,
За румяные щёки любви.
На кого опустили в дороге
Перелётные руки твои?

Что за жизнь — не пойму и не знаю.
И гадаю, что будет потом.
Где ты, господи!.. Я погибаю
Над её пожелтевшим письмом.

Атомная сказка

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошёл в направленье полёта
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

- Пригодится на правое дело! -
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

Гимнастёрка

Солдат оставил тишине
Жену и малого ребёнка
И отличился на войне...
Как известила похоронка.

Зачем напрасные слова
И утешение пустое?

Она вдова, она вдова...
Отдайте женщине земное!

И командиры на войне
Такие письма получали:
«Хоть что-нибудь верните мне...» –
И гимнастёрку ей прислали.

Она вдыхала дым живой,
К угрюмым складкам прижималась,
Она опять была женой.
Как часто это повторялось!

Годами снился этот дым,
Она дышала этим дымом –
И ядовитым, и родным,
Уже почти неуловимым...

...Хозяйка юная вошла.
Пока старуха вспоминала,
Углы от пыли обмела
И – гимнастёрку постирала.

Я пил из черепа отца
За правду на земле,
За сказку русского лица
И верный путь во мгле.

Вставали солнце и луна
И чокались со мной.
И повторял я имена,
Забывшие землёй.

Полотенце

Мы в любви сошлись не по закону,
Выбрав ночь и угол потемней.
Ты в углу заметила икону
И смутилась: Не могу при ней!

На иконе Божья Мать с младенцем.
Я сказал, не поднимая глаз:
Занавесь икону полотенцем,
Хоть она и смотрит не про нас.

Полотенцем плотным закрывала
Матушку с прощением в глазах.
Жар брала и жаром отдавала,
И проснулась в утренних слезах.

За окном, как чистый сон младенца,
Плакали и пели соловьи...
Ты сняла с иконы полотенце,
Чтобы слёзы вытереть свои.

Светлана Сырнева
г. Киров

Прописи

Д.П. Ильину

Помню: осень стоит неминучая,
Восемь лет мне, и за руку – мама:
«Наша Родина – самая лучшая
И богатая самая».
В пеших далях – деревья корявые.
Дождь то в щёку, то в спину,
И в мои сапожонки дырявые

Заливается глина.
Образ детства навеки –
Как мы входим в село на болоте.
Вон и церковь с разрушенным верхом
Вся в грачином помёте.
Лавка низкая керосинная
На минуту укроет от ветра.
«Наша Родина самая сильная,
Наша Родина самая светлая».
Нас возьмёт грузовик попутный
По дороге ползущий юзом,
И опустится небо мутное
К нам в дощатый гремучий кузов.
И споёт во все хилые рёбра
Октябрятский мой класс бритолобой:
«Наша Родина самая вольная,
Наша Родина самая добрая».
Из чего я росла-прозревала,
Что сквозь сон розовело?
Скажут: обворовала
Безрассудная вера.
Ты горька, как осина,
Но превыше и лести и срама –
Моя Родина, самая сильная
И богатая самая.

Там будут лес, и поле, и река,
но не зовите в эту благодать:
вам – радость, мне – страданье и тоска
бесплатную природу повидать.
Ведь я сюда являюсь, как в приют
на склоне жизни, на закате дня,
где мне назад ребенка отдают,
который жил и вырос без меня.

И сколько нужно горя перенести,
чтоб научиться счастье отвергать!
О жизнь моя, мы встретимся не здесь,
не при чужих, которым надо лгать.
Позволь докоротать пустые дни
безрадостной судьбы в чужом доме.
Мы встретимся. Мы будем там одни.
Не говори об этом никому.

В.П. Смирнову

По дороге плетётся машина,
перелесок раздет и разут.
А в машине – замёрзшая глина:
и куда эти комья везут?
А на комьях сидит мужичонка –
видно, грузчик при этом добре.
Никудышная сбилась шапчонка...
Эй, простынешь, зима на дворе!
Он глаза бестолковые щурит,
папироску упрятав в кулак.
Для сугреву, наверное, курит,
но согреться не может никак.
Он доволен минутой покоя
и к тычкам притерпелся давно.
Как же с ним сотворилось такое,
что куда ни вези — всё равно?
На безлюдной, глухой переправе
не удержит осклизлый помост,
и сомнёт мужичка, и раздавит
опрокинутый под гору воз.
И душа его в рай вознесётся
на златом херувимском крыле.
Может быть, ей хоть там поживётся,

как пожить не пришлось на земле!
От тепла разомлевшая в мякоть,
всё, что хочет, получит она:
ей позволитесь досыта плакать
и позволитесь пить допьяна.
Что ж, душа, ты так мало вкусила?
Что ещё ты желала б вкусить?
Ты б чего-то ещё попросила,
да не знаешь, чего попросить.

Календулы

Уже, чернея в темноте,
ждала машина у калитки.
По дому пыль, и в суете
давно уж собраны пожитки.

И свет погас. Мы вышли в сад,
его навеки покидая.
Кругом тянулась наугад
земля изрытая, пустая.

Предзимняя печаль земли,
от коей ничего не надо!
И лишь календулы
цвели, забытые у края сада.

Они, возросшие в тиши,
взглянули с пажити опалой,
как современники души,
невосполняемо усталой.

И жизни гнет, и славы тлен,
убогий слог житейской были,
итог предательств и измен
им в этот миг понятны были.

Мы мчались, обращаясь в прах,
во тьме кромешной, первородной,
и я держала на руках
букет календулы холодной.

Цветы смотрели на меня
в моём закрытом кабинете.
Они увяли за три дня,
как увядает всё на свете.

Наследство

Где бы знатное выбрать родство –
то не нашего рода забота.
Нет наследства. И нет ничего,
кроме старого жёлтого фото.

Только глянешь – на сердце падёт
безутешная тяжесть сиротства:
между нами никто не найдёт
даже самого малого сходства!

Эта древнего стойбища стать,
кочевая бесстрастность во взоре!
В ваших лицах нельзя прочесть
ни волнения, ни счастья, ни горя.

О чужой, неразгаданный взгляд,
всё с собою своё уносящий!
Так таёжные звери глядят,
на мгновение выйдя из чащи.

И колхозы, и голод, и план –
всё в себя утянули, впитали
эти чёрствые руки крестьян,
одинокие тёмные шали.

И как быстро вы в землю ушли,
не прося ни любви, ни награды!
Так с годами до сердца Земли
утопают ненужные клады.

Что не жить, что не здравствовать мне
и чужие подхватывать трели!
Как младенец, умерший во сне,
ничего вы сказать не успели.

И отрезала вас немота
бессловесного, дальнего детства.
И живу я с пустого листа,
и своё сочиняю наследство.

Николай Дмитриев
г. Москва

Из письма в институт

За окном просёлок хмурый
Да кротоми взрытый луг,
Я – полпред литературы
На пятнадцать вёрст вокруг.

Много теми, много лесу,
Всё трудней приходят дни,
А в дипломе, что там весу –
Только корочки одни!

И девчонка (вы учтите),
Лишь под вечер свет включу:
«Выходи, – кричит, – учитель,
Целоваться научу!».

Ты жила на пенсию такую,
Но писала: «Ничего, кукую.
Куры пролезают в городьбе».
И ушла в немыслимые дали.
Мне сегодня, мама, деньги дали
За стихи о доме, о тебе.

Яркие бумажки протянули,
Словно бы осину тряханули
И листву советуют сгрести.
За стихи о тёмном, бедном доме!

Ох, и жжёт листва мои ладони!
Ну куда, куда её нести?

Если мать припозднилась, бывало, –
Поднимал я отчаянный вой,
И сестра меня спать отсылала:
– Вот проснёшься – а мама с тобой.

Просыпался я – так и случилось,
Прядка маминых мягких волос
Над щекой моей сонной качалась,
Над потёками высохших слёз.

...Потоптал я дороги земные,
Поплескался в озерах-морях,
Вспоминаю и дни золотые,
И года, обращённые в прах.

В чередѣ благодати и скотства
Развлекала меня суета,

А теперь – ощущение сиротства.
Даже странно. В такие лета!

Это знак подаётся о встрече,
Это мать. Ну конечно, она.
И мне стало готовиться легче
К колыбели последнего сна.

Это мне утешением будет
На обрыве дороги земной.
Смертный сон истомит и остудит,
Но проснусь я – а мама со мной.

У телевизора

Среди маленьких радостей вечера,
Среди крошечных горестей вдруг
Фильм – короткий и полужасвеченный
Поразил и запомнился, друг.

Полминуты. Трофейная хроника.
В кадре лица, потом сапоги.
У берёз, у оплывшего ровика
Обступили солдата враги.

Что-то в кухне томится и жарится,
За стеною пластинка поёт...
Для чего он опять отряхается,
Почему он так долго встаёт?..

Вот поднялся, помедлил мгновение
И с заботой на белом лице
Посмотрел на моё поколение,
Посмотрел так, как смотрят в конце.

И мечта накатила бредовая
(Впрочем, шансов и в будущем нет)
Что появится техника новая
Через сто, через тысячу лет.

Что учёный какой-нибудь выищёт
Что-нибудь, и отступит беда,
И солдатика выручат, вытащат
Из царапанных кадров сюда.

Ведь давно отдымили пожарища,
Сорок вёсен проплыли в пылице,
Ищет, ищет глазами товарищей,
И забота на белом лице.

Повели по дороженьке, мучая.
Вот и всё. Чем ты можешь помочь,
Бесконечная, злая, тягучая,
Бесполезно-бессонная ночь?

Поминки

Опершись о сугроб нерушимый,
На несчастной, на поздней заре,
Весь в багровой крови петушиной
С топором я стою на дворе.

А поминки – уже не поминки,
Впору хоть гармониста будить.
Только в этом они не повинны –
Смертных смертью нельзя удивить.

Не шумлю. Я их так понимаю,
Наших всех в позабытом краю!
Я стою и один поминаю
Невезучую мамку мою.

Как стирала, готовила ужин,
Как мелькала в машинке игла,
Как она в эту редкую стужу
Молодых петухов берегла.

Михаил Анищенко
г. Самара

Неважно, что ветер и осень,
Что вымок вокзальный навес,
А важно, что в ноль двадцать восемь
Уйдёт транссибирский экспресс.

И снова в вагоне под вечер,
Когда замелькают огни,
Я буду приписывать встречным
Все лучшие чувства свои.

Я буду грустить, улыбаться,
Смотреть на тайгу за окном,
В случайных попутчиц влюбляться
И мучиться долго потом.

И вновь от Приморья до Бреста
Я буду в предчувствии весь,
И жизнь, как чужая невеста,
Покажется лучше, чем есть!

Хорошо

Снегири мои, зяблики, вороны,
Туготравье и батюшка-лес,
Хорошо, когда каждому поровну
Достаётся земли и небес!
Хорошо мне от тихого дождика,

Хорошо, что у храмов и слег
Для святого отца и безбожника
Одинаковый сыплется снег.

Хорошо, что берёзы не бедствуют,
Не злословит речная вода,
Что душа моя с небом соседствует
И сливается с ним навсегда.

Хорошо, что с холодного пёнышка
Можно в небо смотреть без помех,
Где моё заповедное солнышко
Поднимается сразу для всех!

Приговор

Русь моя! Туман, поверья,
Пыль таинственных времён!
Как преступник к высшей мере,
Я к тебе приговорён.

К шуму сосен, к скрипу ставен,
К зову птиц издалека,
И к твоим тропинкам тайным,
Проходящим сквозь века.

Пусть порою путь без веры
Выпадает мне во мгле...
От всевышней смертной меры
Нет спасенья на земле.

Принимаю шум ненастья,
Свет звезды и крик ворон...
К наивысшей мере счастья
Я судом приговорён.

Мир вам, рощи да излуки,
Шелест, шёпот... Камыши...
Навсегда. До смертной муки.
До бессмертия души!

Фотографии. Господи, вот ведь,
Не затянута льдом полынья...
И давно уже поздно злословить,
Отрекаться, что это не я.

Нас отметили, как наказали.
Мы с тобою тоскою полны.
Ты косишь золотыми глазами,
Словно рыба со дна полыньи.

На упрёке закушена губка,
В кулачках умирает испуг,
И немного расстегнута шубка,
Слишком узкою ставшая вдруг.

А правее чуть-чуть, на отшибе,
Где и ныне закат не погас,
Детский садик нелепых ошибок,
Взявшись за руки, смотрит на нас.

И вот так у речного причала,
Ни за что эту жизнь не виня,
Тридцать лет ты стоишь, не качаясь,
Словно всё ещё веришь в меня.

До сих пор не открытая тайна,
Словно рыба, уходит на дно;
И лицо твоё в клочьях тумана,
Расплывается, словно пятно.
Можно было бы резкость настроить,

Но фотограф пришёл подшофе...
И не видно ещё, что нас трое,
Что нас трое на свете уже.

Элегия

Надрывается ветер заблудший,
Колобродит всю ночь в камыше.
И чем хуже погода, тем лучше
Почему-то теперь на душе.

Ничего, я с дороги не сбился,
И совсем не знаком с ворожкой.
Я в счастливой рубахе родился
И снимал её только с тобой.

А теперь возле дома слепого
Я хожу, словно вор, без огня...
Хорошо, что ты любишь другого,
Как когда-то любила меня.

Хорошо, что без боли и страху
Ты мне машешь рукой на ходу,
Что мою голубую рубаху
Носит пугало в вашем саду.

Николай Зиновьев
г. Кореновск

Мать

Там, где сквозь огнедышащий чад
Солнце на ночь в ущелье свалилось,
Сын погиб...

Чтоб донянчить внучат,

Мать на время живой притворилась.

Дед остался на войне,
А страну оставил мне.
И гляжу теперь с виной,
Что творят с моей страной.
Не рублей идёт хищенье.
Душ людских. И мне прощенье
Будет, нет ли? Я не знаю.
Весь народ сбивают в стаю,
Кто противится – тех в стадо.
Что-то делать, делать надо!
Душу я свою терзаю,
На другое – не дерзаю.

Над страной кровавый смог...

Не простят

Ни дед,

Ни Бог.

Козёл

С утра на привязи надёжной
Козёл пасётся на лугу.
Травы достаточно в кругу,
И сыт козёл, как только можно.

Но бородатому злодею
Неймётся всё. И потому
Верёвка шёлковая в шею,
Как нож, врезается ему.

От боли глаз ползёт под веко,
И в горле горечи рассол,

И в сердце злоба... О, козёл!
Как ты похож на человека!

Окно в Европу

Я жить так больше не хочу.
О, дайте мне топор, холопу,
И гвозди, я заколочу
Окно постылое в Европу

И ни к чему тут разговоры.
Ведь в окна лазят только воры.

Летним днём на завалинке
Видел я старика:
Пнями – пыльные валенки,
Мёртвой веткой – рука.

В щёлях взгляда усталого:
Ни тоски, ни слезы.
Будто дерево старое
Ждёт последней грозы.

У карты бывшего Союза,
С обвальным грохотом в груди,
Стою. Не плачу, не молюсь я,
А просто нету сил уйти.

Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей.
Как будто закрываю веки
Несчастной Родине моей...